

СОЮЗ ДВОРЯН

Union de la Noblesse
Russe

N°133
2015-2

Париж

Союз дворян Union de la Noblesse Russe

ISSN 1760-9836

Bulletin de l'Union de la Noblesse Russe

Association Noblesse Russe, Siège Social : 9 rue d'Édimbourg, 75008 Paris

Directeur de la Publication : D.M. Schakhovskoy
Administration : M. N. Genko

Imprimé par nos soins

Commission paritaire des publications et agences de presse
Certificat d'inscription N° 0719 G 85412

Conditions d'abonnement pour 2015

4 numéros par an

France, Union Européenne..... 20 euros

Autres pays..... 30 euros

Par numéro 6 euros.

Les demandes d'abonnement, ou de fourniture d'un numéro, sont à adresser à M. Schakhovskoy avec joint un cheque à l'ordre de « Union de la Noblesse Russe » et l'indication « achat du bulletin »

Routage par PARIS 14 CTC SR 206

Dépôt Légal N° 29415

ISSN 1760-9836

Союз дворян

UNION DE LA NOBLESSE RUSSE

N° 133

Juin 2015

Bulletin intérieur de l'Union de la Noblesse Russe

www.noblesse-russie.org

« Union de la Noblesse Russe »

Adresse : 9 rue d'Édimbourg, 75008 Paris

Directeur de publication : D. Schakhovskoy

union.noblesse.russe@gmail.com

Parution trimestrielle

Prix du journal : Abonnement 20€/an

CPPAP N° 0719 G 85412

Dépôt légal N° 29415

СОДЕРЖАНИЕ / SOMMAIRE

Un mot du Secrétaire General <i>Слово Генерального Секретаря</i>	Nestor Genko <i>Нестор Н Генко</i>	3
Граф Поль-Филипп де Сегюр и его книга о русской кампании Великой армии <i>Le Comte Philippe-Paul de Ségur Et son livre sur la Campagne de Russie de la Grande Armée</i>	Сергей Н. Искюльг <i>Sergueï Iskioul</i>	5
О недавно вышедших Книг на русском языке <i>Livres récents en russe</i>	Кн. Дмитрий М.Шаховской <i>Prince Dimitri M. Schakhovskoy</i>	21
Livres / conférences en français <i>Книги / доклады по французский</i>	Nestor Genko <i>Нестор Н Генко</i>	25
Ukraine-La vérité historique par le Prince A M Wolkonsky <i>Украина- Историческая правда Князя А Волконского</i>	Кн. Дмитрий М.Шаховской <i>Prince Dimitri M. Schakhovskoy</i>	
Гнеалогическая Хроника <i>Chronique Généalogique</i>		

Un mot du Secrétaire Général

Chers amis,

Il y a quatre mois disparaissait notre Président Cyrille Kisselevsky. Ce fut une grande perte pour notre association car Cyrille déployait une énergie immense pour faire vivre l'Union de la Noblesse russe.

Mais le travail continue.

Notre Vice-Président, le prince Dimitri Schakhovskoy, a accepté la responsabilité d'être le Président par intérim de l'association. Son épouse, la princesse Tamara, qui avait rejoint le Conseil de l'Union en janvier 2015, le seconde. Les autres membres du Conseil continuent leurs activités au sein de l'association.

Cela a permis de poursuivre la préparation et la diffusion de notre bulletin, donner deux conférences, participer activement aux réunions de la CILANE et organiser notre dîner annuel au Cercle Interallié.

Cet automne, une Assemblée Générale se réunira et aura la responsabilité d'élire un nouveau Conseil. Celui-ci, à son tour, élira le Président de l'UNION DE LA NOBLESSE RUSSE pour une période de trois ans, ainsi que son Bureau.

Notre association a besoin de toutes les énergies pour continuer à vivre et remplir ses objectifs:

C'est pour cela, que je fais appel à nos membres qui voudraient participer activement à la vie de notre association, participer à la préparation et à l'exécution des diverses tâches, en les priant de se faire connaître du Conseil.

Cela est nécessaire pour que l'Union puisse continuer d'unir les personnes appartenant à la Noblesse Russe et les aider à élever leurs enfants dans nos traditions et nos principes chrétiens et chevaleresques.

Ensemble nous serons en mesure de faire vivre notre Union qui, le 27 novembre de cette année, fêtera son 90ème anniversaire !

Votre Secrétaire Général

Nestor Genko

Слово генерального секретаря

Дорогие Друзья,

Четыре месяца назад скончался наш Председатель Кирилл Владимирович Киселевский. Это была большая утрата для нашего Союза так как Кирилл с огромной энергией вкладывал всевозможные усилия в развитие жизни Союза Дворян.

Но работа не останавливается.

Наш Вице-Председатель князь Дмитрий Михайлович Шаховской согласился взять на себя ответственность быть Председателем нашего Союза по замещительству. Его супруга, княгиня Тамара Георгиевна, которая в январе 2015 была принята в Совет Союза, ему помогает. Остальные члены Совета продолжают свою деятельность в лоне Союза.

Все это позволило - подготавливать и рассылать наш вестник, дать две конференции, принимать деятельное участие на собраниях СИЛАН, и организовать наш годовой ужин в Серкл Интераллье.

Этой осенью состоится Общее Собрание, который путем голосования назначит новый Совет, он-же, в свою очередь, избирает председателя СОЮЗА ДВОРЯН и должностных лиц на трехлетний срок. Нашему Союзу нужны все силы, чтобы выполнялись его цели и жизнь не прекращалась.

Следовательно, я призываю всех наших членов, желающих активно участвовать в жизни нашего Союза дать о себе знать нашему Совету.

Это необходимо для того, чтобы Союз, по прежнему, объединял лиц принадлежащих Русскому Дворянству и помогал им воспитывать своих детей в наших христианских и благородных традициях.

Вместе мы сможем продолжать существование нашего Союза, который 27 ноября сего года отпразднует свой 90-летний юбилей!

Ваш Генеральный Секретарь

Нестор Несторович Генко.

Граф Поль-Филипп де Сегюр
и его книга о русской кампании Великой армии

Le Comte Philippe-Paul de Ségur
Et son livre sur la Campagne de Russie de la Grande Armée

В июне 1825 г. из Царского Села в Карлсруэ, столицу Великого герцогства Баденского, царствующая императрица Елизавета Алексеевна отправила очередное письмо. Дочь писала своей матери, великой герцогине Каролине, о впечатлениях касательно разных предметов, составлявших картину ее бытия в России и, между прочим, о прочитанном; на этот раз речь шла о только что полученной из Парижа книге графа де Сегюра.

«Чтение его безумно заинтересовало меня, – писала императрица, – и отнюдь не со стороны военной или политической, где много неясного, а временами и весьма неточного, но, благодаря описанию французской главной квартиры, морального состояния и расположения духа Наполеона, что, я полагаю, вполне достоверно, ибо, ежели имел бы он на то возможность, то, конечно, изобразил бы все иначе. Нетерпеливость, разочарование, бессильная злоба Наполеона, когда не нашел он в России того, на что надеялся и о чем повсюду разглашал, все это, признаюсь вам, маменька, взволновало мое сердце и породило чувство удовлетворения, но прежде всего побудило вознести хвалу Господу за Его для нас вспомоществование. Весьма часто г-н де Сегюр говорит глупости, например, в одном месте упоминает, что русские, эти дикари и рабы, *надеялись на своего Бога*, а французы *рассчитывали лишь на собственную доблесть*. Пусть бы г-н де Сегюр написал сие после завершения войны, когда вера в своего Бога привела русских в Париж. Подобным французским фанфаронством изобилует весь его труд, в котором, впрочем, есть и правда, и то, что заслуживает похвалы».¹

Впрочем, писала она письмо как обыкновенно по-французски, так и не перейдя в 1812 г. на родной немецкий, так и не отказавшись от привычки пользоваться самым распространенным в то время языком, когда русское дворянство в борьбе с «супостатом» обнаруживало, правда, не столь уж настойчивые поползновения перейти-таки с французских вин на кислые щи или отказаться от французских гувернеров, отдав предпочтение отечественным учителям.

Так писала императрица, которая к тому времени стала уже вполне русской и искренне православной государыней, вполне сжившись с Россией, в которой жила уже далеко не первый год.

Речь в письме императрицы идет о двухтомном сочинении графа де Сегюра, которое к тому времени только что увидело свет.² С тех пор книга одного из адъютантов Наполеона неоднократно переиздавалась по-французски, неоднократно переводилась на немецкий³ и другие европейские языки,⁴ и хотя к тому времени уже

¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга Императора Александра I. Т. III. СПб: Экспедиция заготовления гос. Бумаг. 1909. С. 433.

² Ségur, Philippe-Paul, comte de (1780-1873). Histoire de Napoleon et de la Grande-Armee pendant l'année 1812. Par M. le Général Comte de Ségur. Paris: Baudouin frères. 1824. 2 v.

³ Среди прочих отметим: Ségur, Philippe-Paul. Geschichte Napoleons und der großen Armee im Jahre 1812. Stuttgart. Scheible. 1835; Die Erinnerungen des Generals Grafen Paul Philipp von Segur, Adjutanten Napoleon I. Hamburg. Gutemberg-Verlag. 1908.

появился ряд книг о кампании Великой армии в России в 1812 г.,⁵ и впоследствии опубликовано было еще немало значительных сочинений, но книг де Сегюра была одной из тех, которым суждена была долгая жизнь.

Возможно, этому способствовало обстоятельство, которое тотчас же отметили и читающая публика, и рецензенты, а именно то, что автор книжной новинки наделен несомненным литературным даром, ибо его сочинение читается с изрядным интересом, привлекая внимание не только множеством тогда малоизвестных фактов, но и несомненными художественными достоинствами, что далеко не часто встречается в мемуарном жанре. Возможно здесь также и иное обстоятельство, а именно то, что «определенные круги» тогдашней королевской Франции могли рассматривать книгу Сегюра как противовес феномену культа Наполеона в противостоянии роялистской пропаганде, который уже начал пускать корни в умонастроение французов, благодаря выходу в свет «*Mémoires de Sainte-Hélène*» графа де Лас-Каза.

Филипп-Поль де Сегюр родился в Париже 4 ноября 1780 г. в семье, принадлежавшей известному аристократическому роду Сегюров. Филипп-Поль приходился внуком Филиппу-Анри де Сегюру (1724-1801), маршалу Франции (1783) и одно время военному министру при короле Людовике XVI, прославившемуся своей храбростью в кампаниях в Богемии и Италии, особенно в сражении при Лауфельде, где потерял руку. Отцом Филиппа-Поля был дипломат граф Луи Филиппа Сегюра (1753-1830), бывший посланником в России, тот самый, что восхищал своим остроумием и элегантностью Версальский двор и императрицу Екатерину II в Петербурге, которую он сопровождал в ее путешествии на юг России и в Крым. Матерью Филиппа-Поля была Антуанетта Элизабет Мари д'Ажессо графиня де Малиньи (1756-1828), прекрасный портрет которой написала Э.Виге-Лебрен; портрет датируется 1785 г. и находится в Версале.

По убеждениям Филипп-Поль де Сегюр был и остался, разумеется, носителем аристократических традиций и безусловным сторонником королевской власти, к чему обязывало его и происхождение, и воспитание. Здесь нет ничего удивительного, ибо редко представители аристократических фамилий становились искренними приверженцами строя, пришедшего на смену свергнутого в результате Революции Старого порядка, который спас страну от ужасов Террора и анархии, установив порядок и законность. Двенадцатилетним мальчиком Сегюр зрел разорение и изгнание близких ему людей во время господства якобинского Конвента. Его дед, маршал Франции, заключенный в парижскую тюрьму Ла Форс, чудом избежал гильотины. Его отец, которому ежедневно грозила такая же участь, укрылся в деревенском доме, в Шатенуа, где воспитывал сыновей посреди лишений и в страхе за жизнь близких.

Переворот 18-го брюмера, по-видимому, сыграл решающую роль в жизни молодого аристократа. Вероятно, с одной стороны собственные жизненные перспективы, остававшиеся до конца неясными, с другой – первые правительственные постановления в отношении эмигрантов, а также прочие очевидные перемены, надвигавшиеся вместе с установлением нового порядка, постепенно, но довольно быстро заставили молодого де Сегюра сделать свой выбор. В конце концов, для него не в последнюю очередь речь шла о куске хлеба насущного, ради чего Сегюр пробовал себя, между прочим, в сочинении пьес для театра и в стихотворчестве. Видя перед собой пример некоторых дворян, поступивших при установлении Консульства на действительную службу и преодолевая сопротивление близких и друзей, Сегюр в

⁴ См., например, Ségur, Philippe de. *Pamiętniki hr. de Ségur, adjutanta cesarza Napoleona I. Przetozyta z francuskiego F. Leszczyńska*. T. 1-3. Warszawa. 1912.

⁵ Например, обстоятельное и компетентное сочинение Chambray, Georges. *Histoire de l'expédition de Russie*. Paris, 1823.

феврале 1800 г. записывается в новообразованный гусарский полк, а уже в мае того же года производится в подпоручики. Вероятно, этому и дальнейшим продвижениям по службе способствует общая образованность офицера, умение владеть оружием и распорядительность. Окончательно в правильности выбора Сегюра убедила амнистия эмигрантам, объявленная по решению Сената (сенатус-консульт от 26 апреля 1802 г.), амнистия, которая собственно де Сегюра не касалась, но характеризовала в его глазах в положительном смысле политику правительства.

23 ноября Сегюр становится адъютантом генерала Этьена Жака Макдональда, будущего маршала Франции. 12 апреля 1802 г. он производится в поручики, а через год с небольшим – в капитаны (24 сентября 1803 г.). С провозглашением Империи де Сегюр назначается адъютантом Генерального штаба (22 декабря 1804 г.), но при этом участвует в боевых действиях кампании 1805 г. В мае 1806 г. его назначают командиром эскадрона 13-го конно-егерского полка Неаполитанской армии, в этом качестве он принимает участие в войнах, развязанных очередными антифранцузскими коалициями в 1806-1807 гг., не раз отличившись в боевых действиях, был ранен двумя ударами (казацкой) пики; это произошло как раз под Рождество (24 декабря 1806), но в русский плен Сегюр попадает на следующий год – в мае 1807 г. Тогда он впервые поневоле побывал в Москве.

Освобожденный из плена по случаю заключенного в Тильзите мира и союза между Наполеоном и Александром I, де Сегюр с 15 ноября 1807 г. сверх комплекта состоит майором 2-го гусарского полка. Через полгода он уже сражается в Испании произведенный в майоры и назначенный в 6-й гусарский полк. В 1808 году в Испании под Мадридом Филипп-Поль де Сегюр по собственной инициативе возглавил атаку польского эскадрона на позиции артиллерии противника, в ходе которой был дважды ранен. Ранение вынудило Сегюра покинуть армию и вернуться во Францию. 7 декабря 1808 г. Сегюр произведен в полковники.

С апреля 1809 г. полковник Сегюр становится адъютантом генерала Жерара-Кристофа Дюрока и состоит в Германской армии Франции, но в сентябре того же года переводится в Национальную гвардию Парижа, а через месяц увольняется в запас.

В последний день 1809 года де Сегюр был пожалован в графы Империи, в начале 1810 г. побывал с дипломатическими миссиями в Вене и Петербурге.

22 февраля 1812 г. Сегюру присваивается чин бригадного генерала. В этом чине, в должности квартирмейстера при Главной квартире императора, Сегюр находится в свите Наполеона во все время кампании Великой армии в России.

С апреля 1813 г. Сегюр полковником 3-го полка Императорской гвардии участвует в сражениях при Лейпциге и Ханану, где особенно отличился, с января 1814 г. командует бригадой Почетной гвардии в дивизии генерала Жана-Мари Дефранса, участвует в сражении при Монмирайле (11 февраля) и при Реймсе (13 февраля), где был ранен дважды – ударом штыка и пулей.

По отречении Наполеона Сегюр переходит на королевскую службу, со 2 сентября 1814 г. он назначается начальником штаба корпуса королевской кавалерии, но в эпоху Ста дней Сегюр командует императорской армией, которой предназначено было оборонять Сенское левобережье.

27 мая 1818 г. Сегюр производится в дивизионные генералы (*maréchal de camp*). 5 ноября 1831 г. состоялось последнее производство де Сегюра в воинский чин: он становится генерал-лейтенантом, и через две недели (19 ноября 1831) жалуется в пэры Франции. С 5 ноября 1845 г. он состоит в кадровом резерве Генерального штаба французской армии, а 12 апреля 1848 г. окончательно выходит в отставку.

На самом деле Сегюр оставляет военное поприще фактически сразу после того, как Империя пала. Чинопроизводство, которое время от времени касалось и его, на

самом деле было своего рода отличием за выслугу лет и дань отличиям на военной службе в прошлом. Выйдя в отставку, Сегюр начинает писать. На этот раз из-под его пера выходят исторические и мемуарные сочинения, но все они не имели того успеха, который выпал на долю его наиболее известной книги, опубликованной в 1824 г. под названием «История Наполеона и его Великой Армии в 1812 году». В книге, написанной главным образом на основе личных впечатлений, автор дает яркое описание не только событий выдающегося военного предприятия, драматических коллизий и страданий, выпавших на долю солдат Великой армии во время кампании в России, но и тех причин, которые, как ему казалось, повлекли за собой открытие военных действий. Сегюр показывает, сколь не просто было императору французов принимать решения в 1812 г., в особенности о движении Великой армии на московском направлении в погоне за «русским миражом» и как быстрота этого движения приводила к расстройству войск, сопровождавшемуся противоборством среди французского генералитета. Сегюр пытается более или менее последовательно проследить ход сражений, в которых ему приходилось участвовать, и в тех, которые совершались вдали от главного направления, возможно, отдавая при этом предпочтение наиболее красочным эпизодам в угоду драматизации событий. Таким образом, «История Наполеона и его Великой Армии в 1812 году» представляет собой большей частью личные воспоминания о пережитом, но с вкраплением в историческое повествование событий, пережить которые в силу тех или иных обстоятельств автору не пришлось. О некоторых событиях предыстории 1812 года и самой войны автор повествует со слов тех современников, с кем ему довелось иметь общение в последующую эпоху, и из имевшихся в его распоряжении документов, опубликованных в сборниках Бюллетеней Великой армии.

Несомненно, что Сегюр либо в беседах с известным участником событий 1812 г. генералом британской службы Робертом-Томасом Вильсоном, либо читая его дневник в рукописи, узнал о некоторых важных эпизодах русской кампании Великой армии; иногда он ссылается на него, в других же случаях не делает этого. Использовать свидетельства Вильсона было тем более легко, что английский генерал не раз бывал в Париже и имел там немало друзей.

Несомненно также, что Сегюр был знаком с воспоминаниями графа Ф.В.Ростопчина, ряд высказываний которого приводит без каких-либо указаний на авторство. Использовать свидетельства бывшего московского генерал-губернатора и вовсе не составляло для него никакого труда, поскольку старший из сыновей Сегюра – граф Анри Раймон де Сегюр – был женат (1819) на дочери графа Ф.В.Ростопчина Софье Федоровне (1799-1874); сам же граф Федор Васильевич не раз и подолгу проживал в Париже, а его воспоминания о московских событиях 1812 года написаны были, естественно, по-французски.

Воспитанный на «антиках» древних эпох, Сегюр, по-видимому, стремился усвоить себе манеру изложения и самый стиль древнеримских классических историков. Вместе с тем, он был, как и многие люди его поколения, усердным читателем великой французской литературы XVIII в., учеником и почитателем, в особенности, Ж.-Ж.Руссо. Возможно, поэтому в его повествовании встречаются и строгая изысканность суждений, и стремление к глубинному постижению образов, и отчасти некоторая напыщенность, в которых угадывается стиль философа. Сегюр стремится быть историком пережитых им событий и вместе с тем историком великого человека и его деяний, но внимательный глаз тотчас же различит жизненную силу, драматизм и глубокий реализм повествования, читающегося с все возрастающим интересом, тем более что автор привносит свой взгляд в картину многих событий войны 1812 г.

Французская академия почтила очевидные литературные заслуги писателя-мемуариста. 25 марта 1830 г. Сегюр был избран членом этого ученого сообщества, где впоследствии он заседал долгие сорок три года, занимая кресло № 6. В 1847 г. Сегюр становится кавалером Большого креста Ордена Почетного Легиона.

Умер граф де Сегюр в своем парижском доме 25 февраля 1873 г., через шестьдесят лет после своей жены Антуанетты, дочери Жана-Батиста Ле Жандра сеньора де Люэз (1787-1813).

Имя графа де Сегюра выбито на восточной стороне Триумфальной арки на площади Этуаль в Париже.

Книга де Сегюра вышла из печати в начале декабря 1824 г. Во всяком случае 2 декабря газета «*Journal des débats*» сообщила об этом впервые. В кратком объявлении говорилось следующее: «Это важное издание предаст гласности доселе малоизвестные события. Положение г-на де Сегюра позволяло ему быть многому свидетелем и правильно судить о фактах: он повествует о них со всей прямоотой. Его история отлична многими благородными достоинствами: она соединяет в себе характерные черты достоверности, искренность, заинтересованность, глубокий взгляд и живой слог».⁶

В конце 1824 г. в той же газете появилась обширная, более чем двухстраничная, редакционная статья о книге «История Наполеона и Великой армии в 1812 году», которой предпослан использованный автором латинский эпитаф и сообщение о том, что на складе осталось только 20 экземпляров книги. «Русская кампания быть может наивеличайшее событие в истории, – этими словами начинается статья. – Никогда еще катастрофа, толико ужасная, не изумляла свет. Никогда еще столь обширное предприятие не волновало умы; и, наконец, никогда еще превратности, столь быстро сменяющие друг друга, не выносили свой приговор в решении столь высоких судеб». Впечатления о «московском бедствии» (*le désastre de Moscou*), – говорится далее в статье, – те, что переживались во французском обществе на протяжении последних десяти лет, эти впечатления оказались весьма живы и чувствительны «как и в первый день», когда стало известно о том, что произошло в России в 1812 г. Именно поэтому книга графа де Сегюра, по мнению автора статьи, и возымела столь феноменальный успех, в соединении с тем, что авторские впечатления проливают порою «неожиданный свет» на поступки выдающихся личностей и людских масс самим многообразием подробностей и живым изложением великих событий эпохи. «Какая выразительная сила!» – восклицает автор статьи. – «Какая пылкость чувств! Какое благородство мысли!». Более того, для него бесспорно, что «только г-н де Сегюр способен пленить воображение живописными картинами событийной канвы поражающего всякое воображение предприятия, не упуская из виду величия совершавшихся перед его глазами событий и всегда следуя истине». При этом к достоинствам сочинения графа де Сегюра почему-то присоединялось и то, что он большей частью всегда «говорит о властителе Франции как если бы он еще правил Тюильри».⁷

Первое издание разошлось быстро, и уже в конце января 1825 г. издатели, братья Бодуэны, объявили, что «в ближайший четверг» выходит второе издание.⁸ В начале февраля они же объявили, что поскольку тираж разошелся, то в конце месяца выйдет третье издание, украшенное гравюрами с изображением перехода Великой

⁶ *Journal des débats politiques et littéraires*. 2 décembre 1824. p. 2

⁷ *Journal des débats politiques et littéraires*. 24 décembre. 1824. p. 2-4.

⁸ *Ibidem*. 25 janvier 1825. p. 2.

армии через Неман и пожара Москвы.⁹ В начале марта последовало объявление о том, что третье издание, наконец, поступило в продажу.¹⁰ Общий тираж ко второй половине марта 1825 г. составил 8000 экземпляров. Газеты писали: книга де Сегюра стяжала «воистину национальный успех».¹¹ Едва четвертое издание вышло в свет, как уже издатели подготовили новое, малого формата и ценою дешевле предыдущих.¹² Таким образом, с момента выхода в свет книга де Сегюра выдержала менее чем за три года десять изданий, следовавших одно за другим.

Но не только это явилось для автора книги свидетельством читательского признания. Вскоре после выхода в свет первого издания «Истории Наполеона и Великой армии» Сегюр стал получать письма от самых разных людей, большей частью участников описанных в книге событий, письма, в которых выразились впечатления от прочитанного, мысли и чувства заинтересованных читателей. И каких читателей!

Одним из первых отозвался на сочинение Сегюра Жак-Александр маркиз де Лористон, занимавший в 1811-1812 гг. пост французского посланника в Санкт-Петербурге и принимавший участие в войне 1812 г., присоединившись к Великой армии в Смоленске. В кратком письме от 11 декабря 1824 г., адресованном по парижскому адресу де Сегюра (rue Madame, N° 4 – на левом берегу Сены, близ Сен-Жермен-де-Прэ), он, к тому времени уже год как маршал Франции, сообщил автору о том «ни с чем не сравнимом интересе», с которым он прочел историю «достопамятной кампании 1812 года». По выражению Лористона, «точность в изложении фактов такова, что всякий как бы вновь переносится на театр боевых подвигов, преисполненных самоотвержения, кои прославили нашу армию, и посреде тех несчастным образом сложившихся обстоятельств, что угнетали ее». В письме говорилось далее, что писавший счел долгом приложить для сведения автора отдельные свои, не столь уж значительные, примечания, которые тот при желании мог использовать при последующих изданиях книги.¹³

Генерал граф Матье де Дюма, отец прославленного в будущем романиста, в письме от 16 декабря 1824 г. поблагодарил Сегюра за присылку ему своей книги и за то, что тот не торопил его, дав ему время для наивнимательнейшего прочтения (*avec la plus sévère attention*), отнюдь не обращая внимания на шум аплодисментов или негодующие возгласы. В письме Дюма поздравил Сегюра с заслуженным успехом, чему порукой были добросовестность автора, его критическое внимание ко всем предприятиям императора и славным деяниям Великой армии в 1812 г. Генерал обратил внимание на авторский стиль, исполненный нервной живости, способный передать сохранившиеся впечатления, и на умение историка за общей прорисовкой батальных сцен не упустить из виду характерные черты героев описываемых событий. Отдельную признательность Дюма Сегюр заслужил тем, что отдал должное геройству принца Москворецкого во все время «это ужасной драмы».¹⁴

17 декабря 1824 г. генерал барон Раймон Эммери Филипп де Монтескье-Фезансак, вовремя войны в России отличившийся при Красном и Березине, писал Сегюру о чувствах восторга, в каковой привело его сочинение о Наполеоне и Великой армии в 1812 г., при этом, по его мнению, «невозможно представить себе картину ярче и правдивее той, что предстоит на каждой странице книги». Генерал писал о личной своей признательности за то, как достойно представлены собственные его, в то время

⁹ Ibidem. 2 février. p. 2.

¹⁰ Ibidem. 9 mars. p. 2.

¹¹ Ibidem. 21 mars. p. 4.

¹² Ibidem. 6 juin. p. 5.

¹³ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 2.

¹⁴ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 7.

полковника, поступки, и он присоединял свои, как ему казалось, уже запоздалые поздравления к голосам тех, кто успел почтить Сегюра своими благожелательными отзывами о книге.¹⁵ Но в этом барон ошибался: автор и далее продолжал пожинать лавры своего успеха.

С прославленным генералом французской армии Жоржем Мутоном графом де Лобау Сегюр к тому времени уже состоял в переписке. В ответ на письмо от 17 декабря 1824 г. он получил от генерала письмо от 28 того же месяца на трех страницах, где ему, несомненно, лестно было прочитать такие слова: «Ваш труд возвеличит добрую вашу репутацию, каковой уже можно только позавидовать! Конечно, тем вы приобретаете и недовольных, но такова судьба всех людей умных, друзей истины, и сожаления достойно, что в первых рядах пока что одни только дебютанты». К тому времени прочитавший книгу только до сражения при Смоленске, Мутон не мог упустить случая поделиться своими впечатлениями о собственном участии в битве, об атаках польских войск при овладении предместьями и о подробностях ранения маршала Нея. Содержание прочитанного не вызвало у генерала каких бы то ни было возражений, более того чтение доставило ему удовольствие, и, прежде чем завершить письмо своим размашистым росчерком, он просил Сегюра «всегда и во всем рассчитывать на него, как и на прочих добрых своих друзей, в особенности тех, которые умеют его оценивать по достоинству».¹⁶

Граф Пьер-Антуан Дарю, статс-секретарь императора и генерал-интендант Великой армии, в недатированном письме поблагодарил Сегюра за присланную книгу и не скрыл от него, что живость изложения не давала ему прервать чтения, тем более что, «события, лица, Главная квартира, да и самая страна, описаны там вполне жизненно и правдиво», такими, какими их зрел в России сам Дарю. Автор письма не скрывал также, что предпочел бы не столь часто появляться на страницах этой книги, поскольку не всегда оказывался участником важных событий, но был признателен Сегюру за внимание к своей персоне. Он отдавал должное справедливости той картины событий 1812 года, которую изобразил автор в своей книге, тому точному следованию фактам, которой тот придерживался, и «редкому таланту писателя» у историка Великой армии, которого, чего, мнению Дарю, не хватало и военным историкам при описании кампании в России, и многим мемуаристам.¹⁷

Дивизионный генерал Вестфальского королевства, командовавший в 1812 г. артиллерией 8-го корпуса Великой армии Жак-Александр Алликс де Во в письме от 15 января 1825 г. выразил генералу де Сегюру свои чувства за изящество, а в ряде случаев и очарование стиля, за строгое следование фактам и за смелость, с каковою автор трактует события недавней истории. Но, отметив, что в ряде случаев автор неточен, генерал в предвидении нового издания предлагал ему встретиться и сообщить ему данные, которые позволили бы исправить вкравшиеся ошибки и неточности, причем указывал время, когда его можно застать в его парижском доме.¹⁸

Тогда же и генерал граф Сезар де Лавилль, бывший адъютант маршала Бертье, выразил Сегюру признательность за то, что «в каждой странице написанной им книги, заключена бесстрастная правда», которую автор изложил непредубежденно со всей силой своего благородного таланта. В особенности же это касалось «великодушной самоотверженности» маршала Нея, воспоминания о которой «отныне запечатлены столь глубоко, что уже ничто не в состоянии вытравить ее из памяти».¹⁹

¹⁵ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 16.

¹⁶ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 4.

¹⁷ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 6.

¹⁸ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 11.

¹⁹ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 12.

12 февраля 1825 генерал Франсуа Шарль Луи маркиз де Шасселу-Лоба, командовавший в 1812 г. инженерными войсками Великой армии, в своем письме Сегюру выразил тому благодарность за доставленное удовольствие: книга, по его мнению, написана «с достоинством и благородством, кои вполне соответствуют главному содержанию сего сочинения».²⁰ Правда, далее маркиз распространился об отдельных неточностях и неверных суждениях автора, но отнес это на счет вполне понятной неосведомленности автора исключительно обо всех деталях, описанных в книге Сегюра событий; в целом же впечатление генерала от прочитанного было вполне благоприятным.

В конце января – начале февраля 1825 г. граф де Сегюр получил своеручное письмо от падчерицы Наполеона Гортензии, супруги его младшего брата Луи и королевы Голландии, в то время герцогини Сен-Лё. 23 января 1825 г., находясь в изгнании в Арененберге (Швейцария) она, которая «не могла быть безучастной к тому, что составляет славу одного из моих соотечественников», писала Сегюру о том, что в восхищении от прочитанного и что как женщина была тронута душевной сердечностью автора: «Сами события, люди, несчастья и даже случившиеся тогда промахи преисполнены величия и естественности, так что, погружаясь в сие блистательным образом написанное сочинение об истории наипрославленного и вместе с тем злосчастного из наших тяжелых бедствий, утешаешь себя после чтения писаний всех этих пигмеев, которые до сих пор продолжают мерять героев на свой аршин...» (несомненно, Гортензия имела в виду сочинения роялистов – *С.И.*). Поздравляя Сегюра с успехом, графиня отдавала должное благородству его характера и выражала уверенность, что со временем на книгу будут ссылаться как на классическое произведение.²¹

29 мая 1825 барон Амабль де Бланкар, блестящий кавалерист, полковник, отличившийся в 1812 г. в сражении при Березине во главе 2-го полка карабинеров, в своем письме к Сегюру сразу переходит к делу, указывая автору, что при описании боевых действий во время березинской операции он незаслуженно приписал достигнутый успех, в частности, генералу Латур-Мобуру, тогда как на самом деле успех не был бы достигнут без его решительных действий как на правом, так и на левом берегу. С тех пор произведенный в генералы, Бланкар в письме к Сегюру изложил свою версию событий, не для того, чтобы уличить автора в ошибке, а ради собственного удовлетворения, прекрасно понимая, что нельзя быть осведомленным решительно обо всем. В заключении отставной дивизионный генерал писал, что испытывает немалое утешение, размышляя об авторе, который «вышел из наших рядов, который разделял наши труды, наши опасности, славу и несчастья, о том, который оказался достойным по своему дарованию и благородству характера быть историком превосходной во всех отношениях и славной нашей армии».²²

5 июня 1825 г. на сочинение Сегюра откликнулся его старый знакомый барон Клод Филипп Эдуар де Мунье, секретарь Наполеона, участвовавший в кампаниях 1809, 1812-1813 гг., который написал ему об «удовлетворении, испытанном им при чтении книги об одном из величайших предприятий и об одной из ужаснейших катастроф». Мунье причислял себя к тем, кто были очевидцами событий войны в России, к тем, кто обращался к Сегюру со словами благодарности за то, что тот взял на себя труд написать правдивую картину величия славы Великой армии и тех бедствий, которыми сопровождалось ее отступление. Он предвидел, что «успех сочинения, столь

²⁰ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 28.

²¹ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 1.

²² Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 27.

сочувствующего национальной славе, должен быть оглушительным», и долго еще будет поспешествовать писательской известности автора.²³

Огюст Пти барон де Боверже, бывший аудитор Государственного совета и, как он сам писал, «один из тех, кто в России удостоился носить портфель императора», начал свое недатированное письмо Сегюру словами: «У меня перед глазами великолепный памятник истории, который вы возвели в память Наполеона и его Великой армии». Взволнованный до глубины души впечатлениями, которые ему довелось еще раз отчасти пережить, барон не мог не выразить автору «как французу» свои чувства истинного восхищения. Не имев «счастья быть солдатом» и потому не причисляя себя вполне к сотоварищам Сегюра по оружию, де Боверже тем не менее отдавал должное «истине», которую автор всегда передает возвышенно и вместе с тем просто, без прикрас, так что заставляет сопереживать несчастью Великой армии, и высказывал убеждение, что Сегюр «написал свою книгу для потомков», а его имя «без сомнения отныне неотделимо от Великой армии и ее вождя».²⁴

Были и другие, не менее лестные, читательские отклики, многие из которых получивший их сопроводил краткими аннотациями биографического характера. Эти и другие благоприятные отзывы Сегюр поместил в конце тома VII своих воспоминаний, после включенной в них «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году».²⁵

Вместе с тем, стоило только книге Сегюра появиться, как она вызвала горячую полемику. С опровержением суждений автора выступил бывший адъютант Наполеона, тогда еще полковник, барон Гаспар де Гурго (1783-1852), деятельный участник войн эпохи Империи, не раз проявивший себя храбростью на поле боя. Назначенный 3 июля 1811 г. ординарцем императора, Гурго с тех пор не покидал Наполеона. Еще перед войной 1812 г. он был пожалован в шевалье Империи и в этом качестве сопровождал Наполеона на конгресс в Дрезден. Так же, как и Сегюр участник войны 1812 г., капитан Гурго отличился при сражениях при Островно, Красном, Витебске и при Смоленске, где был ранен пулей в плечо, что не помешало ему проявить себя уже вскоре в битвах при Валутиной Горе и при Бородине. В сопровождении переводчика он был послан парламентаром в Москву с тем, чтобы договориться о времени вступления Великой армии в столицу России. Известно, что при этом, вероятно, уже на возвратном пути, он пленил 40 казаков, которых доставил в лагерь французской армии. Во время пожара ему удалось открыть местонахождение порохового склада на территории Кремля, и тем, вероятно, спасти жизнь Наполеона и членов его свиты. 3 октября 1812 г. капитан Гурго становится бароном Империи. Находясь в Москве, Гурго много занимался противодействием распространению пожаров, возникших при деятельном участии московской полиции, действовавшей по указаниям генерал-губернатора Москвы графа Ф.В.Ростопчина. Во время отступления Великой армии Гурго не раз проявил себя отличием и храбростью; при Березине он дважды пересекал полузамерзшую реку вплавь с тем, чтобы получить представление, где лучше строить надежные мосты и переправлять через нее артиллерию. В 1813 г. Гурго становится первым офицером-ординарцем (*premier officier d'ordonnance*) Наполеона; эта должность была своего рода отличием, поскольку создана была для него и с тех пор существовала в единственном числе. В этой кампании в Германии Гурго участвовал в сражениях при Лютцене, Баутцене и Вюршене, за что был пожалован офицерским крестом ордена Почетного Легиона. Весь 1814 г. Гурго провел в седле, участвуя в сражениях при Бриенне, Шампобере, Монмирайе, Реймсе и Арси-сюр-Об. В сражении

²³ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 8.

²⁴ Archives Nationales. 36 AP/ 1 Ségur. n° 24.

²⁵ Ségur Ph.-P. de. Histoire et mémoires par le général Cte de Ségur, membre de l'Académie Française. Paris: librairie de Firmin-Didot et Cie. 1877. T. V. P. 443-464.

при Монмирае, 29 января, Гурго спас Наполеону жизнь, успев застрелить из пистолета казака, уже приближавшегося к императору с пикой наперевес, а собственную его жизнь спас орден Почетного Легиона, который отклонил дальнейшее движение пики. За этот подвиг получил в подарок от Наполеона шпагу, которая была с ним во время Итальянской кампании, в сражении при Лоди.²⁶ При Монмирае Гурго был все же ранен, но тем не менее с успехом участвовал в сражении при Реймсе, за что Наполеон произвел Гурго в полковники и пожаловал в командоры Почетного Легиона.

При Реставрации Гурго не был переведен на половинное жалование, как многие военные, но принят в конвой Людовика XVIII и награжден орденом Св.Людовика, после чего назначен начальником штаба артиллерии в 1-ю дивизию. Но после высадки Наполеона в заливе Жуан он без колебаний присоединился к императору, участвовал в сражениях при Линьи, Флёрюсе и Ватерлоо. 21 июня 1815 г. он был произведен в бригадные генералы и назначен адъютантом императора. Сопровождая Наполеона по дороге в изгнание, Гурго выполнил его поручение, доставив по назначению его знаменитое письмо, адресованное принцу-регенту Англии.

На острове Св.Елены он в числе других членов свиты императора был занят записыванием всего того, что Наполеон ежедневно диктовал, а потом собственноручно выправлял. В 1818 г. Гурго возвращается в Европу, и поскольку пребывание во Франции ему было запрещено, то поселился сначала в Англии, затем обрелся в Германии (Курсхафен и Гамбург). Он постоянно, но безуспешно обращался к монархам Священного союза с прошениями об облегчении участи Наполеона. Он пытался встретиться с императрицей Марией-Луизой, но и в этом потерпел полную неудачу. В марте 1821 г. Гурго возвращается на родину и тогда же выступил первым инициатором перенесения праха Наполеона с острова Св.Елены во Францию.²⁷ С тех пор он опубликовал несколько важных для изучения истории эпохи Консульства и Империи сочинений, в том числе те многочисленные тексты, которые записывал под диктовку Наполеона.²⁸ Среди его сочинений помимо прочего выделяются «Кампания 1815 года»²⁹, которая вызвала негативную реакцию со стороны герцога Веллингтона, что имело для автора неблагоприятные последствия, выразившиеся в обыске и изъятии отдельных бумаг, а также опровержение, которое Гурго написал по поводу книги Вальтера Скотта «Жизнь Наполеона».³⁰

Но больший общественный резонанс имело другое сочинение генерала, как раз то, которое тот написал в ответ на книгу Сегюра. Неизвестно, посылал ли Сегюр Гурго свою книгу; каких бы то ни было следов их переписки в личном фонде Сегюра не обнаружено, а между тем генерал де Гурго, посчитал, что то как, под пером Сегюра, изображается император французов и действия Великой армии в 1812 г., является в глазах ветеранов французской армии унижением памяти Наполеона и деяний Великой

²⁶ В личном фонде генерала Гурго, хранящемся в Национальном архиве Франции (314 AP), среди прочего сохранился конверт, в котором Наполеон в январе 1818 г. подарил Гурго бриллиантовую булавку в память об этом событии. На обороте конверта Гурго сделал такую надпись: «Эта булавка была подарена мне Его Величеством Императором Наполеоном сего 29 января 1818 г., когда он прогуливался в своем саду. Это была годовщина того дня, когда я помешал казаку поразить его пикой! И небольшие подарки укрепляют дружбу!».

²⁷ Gourgaud G. A MM. Les membres de la Chambre des députés. Paris: Impr. de Guiraudet. 1821.

²⁸ Gourgaud G. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène, par les généraux qui ont partagé sa captivité et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon. Tome Ier [et IIe] écrit par le général Gourgaud, son aide-de-camp. Paris: Didot père et fils, 1823

²⁹ Gourgaud G. Campagne de 1815, ou Relation des opérations militaires qui ont été en France et en Belgique pendant les Cent jours, écrite à Sainte-Hélène. Londres: J. Ridgway. 1818.

³⁰ Gourgaud G. Réfutation de la Vie de Napoléon par sir Walther Scott par le général G***. Paris: Locard et Davi. 1827.

армии. Гурго не ограничился словесными возражениями. Газеты сообщили о том, что «в самое ближайшее время» в издательстве братьев Боссанж выходит в свет опровержение сочинения Сегюра, написанное Г.Гурго.³¹

Появление новой книги о Наполеоне и Великой армии не прошло незамеченным не только во Франции. В одной из столичных газет Петербурга поместилась на этот счет примечательная заметка: «Французы не могут, кажется, удовлетворить своего любопытства на счет кампании 1812 года: всякое сочинение о сем предмете принимается с удовлетворением и читается с жадностью. Сочинения Маркиза де Шамбре и Графа Сегюра еще кажутся им недостаточными; теперь выходит новое, которого Автор, генерал Гурго, был первым ординарцем Наполеона и сопутствовал ему на остров Св.Елены. Без сомнения, сочинение Г.Гурго будет заключать в себе весьма много любопытных подробностей...».³² Впрочем, для автора заметка явилась поводом к заключению о том, что, получив, наконец, описание войны в «стратегическом отношении», необходимо заняться собиранием «всех анекдотов и необыкновенных случаев сей кампании. Это было бы для иностранцев любопытно, а для Русских драгоценно».

Между тем подробное и обстоятельное опровержение книги Сегюра, написанное генералом Гурго³³, 10 июля поступило в парижские магазины,³⁴ а уже 15 июля в парижской литературной газете «Глоб» редакционная рецензия, посвященная книге Гурго, в которой, не отдавая предпочтения ни автору «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году», ни его критику, автор предпочел оставаться так сказать «над схваткой», призывая обоих противников к сдержанности и хладнокровию, но все-таки в большей степени становясь на сторону Сегюра, указывая на предвзятость суждений Гурго, его запальчивость в споре, его желание видеть злокозненность автора решительно во всем и, отдавая должное искренности последнего, рецензент полагает, что его искренность его суждений порою слепа и Гурго следует воздерживаться от тона, у которого ничего общего с беспристрастной полемикой.³⁵ Впрочем, рецензент полагал, что читатель волен дать собственную оценку прочитанному и сделать свой выбор.

Что касается книги Гурго, то для удобства читающей публики она содержала такое же число глав, что сочинение Сегюра, но имела большое документальное приложение, где на 45 страницах убористого текста помещены документы – различные приказы Наполеона за 1812 год и переписка между маршалами. В своей книге-опровержении автор свыше 500 раз цитирует или излагает отдельные пассажи книги Сегюра, к которым далее обращены авторские замечания, дополнения или прямые возражения. С самого начала Гурго дает понять, что Сегюр не тот, за кого себя выдает, называя его на протяжении своего опровержения квартирмейстером императорского дворца (*marechal-des-logis du Palais*) или придворным (*officier du Palais*), что чин «генерала» – это еще решительно ничего не значит, что генералом можно быть, даже не участвуя в боевых действиях.

Гурго подробно и обстоятельно останавливается на «многочисленных ошибках, которые опытный офицер не мог бы допустить», особо подчеркивает, что под пером человека, который никак не может быть причисленным к ветеранам Великой армии,

³¹ Journal des débats politiques et littéraires. 10 juin. p. 2.

³² Северная почта. 1825. 1 июня. № 73.

³³ Napoléon et la grande-armée en Russie ou Examen critique de l'ouvrage de M. le comte Ph. de Ségur, par le général Gourgaud. Bruxelles: H. Tarlier, 1825

³⁴ Journal des débats politiques et littéraires. 10 juillet. p. 2. На следующий же день все 3000 экземпляров были раскуплены, и следующий тираж уже печатался.

³⁵ Le Globe. Journal littéraire. 15 juillet. n° 132.

французская армия «превращается в какую-то орду, которая сражается только для того, чтобы грабить». Грабительская тема время от времени присутствует в сочинении Сегюра, и Гурго всякий раз вступает с автором в полемику, приводя вполне убедительные аргументы. Заметим попутно, что неоднократно переиздававшиеся переводы сочинения Сегюра скорее всего оказали немалое влияние не только на отечественную историографию, но и на литературу, а также на изящные искусства, а с ними и на в целом общественное восприятие войны во всем ее многообразии, включая и негативные моменты. Не одно столетие на Сегюра охотно ссылались в России, полагая, вероятно, что если уж это пишет француз, то значит так оно и было, не говоря уже о том, что в XX веке историки в большинстве своем ссылались на русские издания, не беря на себя труд сравнить оригинал и переводы.

В своей критике книги Сегюра генерал де Гурго широко использует к тому времени только что опубликованное в Париже сочинение участника войны 1812 г. Дмитрия Петровича Бутурлина, цитируя его обильно и к месту, в частности, опровергая утверждение Сегюра о том, что первой начала готовиться к войне именно Франция. Гурго ставит в вину Сегюру незнание самой канвы исторических событий, предшествовавших войне 1812 г. со времени образования Империи, незнание многих фактов, которые позволили бы ему правильно судить о причинах конфронтации и войны, о франко-турецких или франко-шведских отношениях перед войной 1812 г., неверное представление о действиях командного состава французской армии и участии отдельных частей в тех или иных делах, неточные представления о численности некоторых родов войск Великой армии, незнание ряда важных частных фактов, например, времени начала перехода Великой армии через Неман и времени ее вступления в Москву.

Гурго опровергает наличие у императора французов застарелой болезни, которая, якобы, давала о себе знать на протяжении всей кампании 1812 г. Напротив, пишет он, Наполеон всегда оставался неутомимым и деятельным при любых обстоятельствах, особенно связанных с быстрым принятием решений в боевой обстановке, в том числе и в битве под Москвой. Решительное неприятие вызывает у Гурго восхищение деятельностью Ф.В.Ростопчина на посту генерал-губернатора Москвы (точнее, его руководящая роль в сожжении второй столицы России), что справедливо связывается им с установившимся к тому времени родством между Сегюрами и семейством Ростопчиных. Гурго подробно останавливается на истории с крестом с колокольни Ивана Великого и утверждает, что это отнюдь не тот трофей, который французы увезли из Москвы. Гурго находит ошибку Сегюра и в походе сделанном им упоминании об имевшем, якобы, место повелении Александра Македонского, «шедшего вглубь неведомой Азии», сжигать свои корабли, и задается вопросом: «Стоит ли удивляться тому, что г-н Сегюр не знает истории Александра Великого, если он столь же плохо осведомлен об истории кампаний Наполеона?» В качестве подтверждения того факта, что предвидение и распорядительность Наполеона в деле обеспечения Березинской переправы были выше всех похвал, Гурго приводит большую цитату из сочинения Д.П.Бутурлина, сопровождая его тремя восклицательными знаками: «И это пишет русский!!!» Также решительно не согласен Гурго с Сегюром и в оценке общих потерь Великой армии, считая приводившиеся им цифры крайне неточными, и полагая, что на самом деле потери были значительно меньше.

При всем том, в отличие от Сегюра, который в своем повествовании о себе не упоминает, большей частью оставаясь в тени, Гурго по крайней мере раз десять ссылается на собственное участие в тех или иных эпизодах и событиях войны.

В целом же для Гурго «История Великой армии» Сегюра – ни что иное, как лишь многословие некоего витии, расплывчатые и меланхолические фантазии которого находят свое выражение в изображении перед нами картин, расцветенных воистину фальшивыми красками. Факты большей частью не сходятся между собой. Высказанные размышления большей частью мелочны и противоречивы. Наконец, главное, чего больше всего недостает «Истории Великой армии», так это как раз исторической правды». Более того, для Гурго то, что вышло из-под пера Сегюра, ничто иное как «неряшливо состряпанный роман, которому для красоты приделано название «Истории».

Изданием опровержения, однако, дело не ограничилось. Poleмика продолжалась, и на ее пике сам Сегюр либо Гурго, либо оба одновременно, не стали подавать в суд, как это сделал писатель и историк Альфонс де Бошан в связи с выходом в свет издания мемуаров бывшего министра полиции Жозефа Фуше герцога Отрантского, что наделало в то время много шума. Для того, либо для другого, а может быть для обоих в одно и то же время стало ясно, что пришла пора выяснять отношения с оружием в руках.

Есть предположения, что именно Гурго принадлежит честь вызова, который он, живший тогда со своей семьей в доме № 13 по rue faubourg Saint-Honoré, послал Сегюру вместе с опубликованным опровержением его книги. После некоторых колебаний тот принял вызов на «этот своего рода суд Божий» (*cet espèce de jugement de Dieu*).³⁶ Поединок состоялся рано утром 15 июля 1825 г. в Париже, но где именно не вполне ясно – может быть в излюбленном месте проведения дуэлей Булонском лесу, но не исключено, что левом берегу Сены, в саду близ Терм на пересечении бульваров Сен-Мишель и Сен-Жермен. Имена секундантов с обеих сторон таковы, что о них следует упомянуть, поскольку некоторые из них признаны выдающимися военными своего времени, и их имена вполне заслуженно помещены на страницы «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году». Со стороны Сегюра это были полковники Жан-Батист барон де Марбо и Леон де Дюшан, а также генерал Пьер-Клод Пажоль. Со стороны Гурго – генерал Жорж Мутон граф де Лобау, генерал Пьер-Франсуа Мари граф де Дежан и бывший префект Луи Клер граф де Сент-Олэр. На чем дрались дуэлисты не известно, но не обязательно на пистолетах, поскольку оба противника были еще вполне способными держать в руках шпаги или сабли. В предисловии, предпосланном к одному из изданий книги графа де Сегюра, его автор Ж.Бюрно, упоминая о дуэли, пишет, что «грозный бреттёр, каковым был Гурго», ранил своего противника.³⁷ Но поединок закончился не только ранением Сегюра.³⁸ «Журналь де деба» в день дуэли сообщила о самом факте встречи противников, присовокупив, что полиция была предупреждена заранее, и ее появление помешало довести дуэль до конца.³⁹

Правительственный же официоз, вышедший на следующий день известил читателей о том, что, напротив, Сегюр, возмущенный книгой Гурго, потребовал и получил сатисфакцию, но после легкого ранения в руку, сам, якобы, ранил своего противника «в тело».⁴⁰ Как бы то ни было, Сегюр, если не принял вызов, то мог в этом случае и сам послать его Гурго, поскольку иначе поступить не мог – «Опровержением» Гурго слишком явно была затронута его честь.

³⁶ Fougeroux de Campigneulles. Histoire de Duels anciens et modernes. T. I. Paris. J.Tessier. 1835. p. 364.

³⁷ Ségur Ph.-P. de. La campagne de Russie. Edition augmentée d'extraits de la réfutation du Général Gourgaud. Préface et notes par J.Burnot. Paris: Hachette. 1960. T. I. P. 10.

³⁸ Ср. Земцов В.Н. Сегюр // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М: РОССПЭН. 2004. С. 646.

³⁹ Journal des débats politiques et littéraires. 15 juillet. p. 2.

⁴⁰ Le Moniteur universel. 16 juillet 1825. № 197. p. 1048.

Впрочем, не только Г.Гурго выступил с опровержением сочинения Сегюра. Высказывания Сегюра заделали и генерала Луи Партуно, того самого, который капитулировал во время борисовской переправы Великой армии. Однако, он не стал доводить дело до дуэли, ограничившись опубликованием опровержения.⁴¹ Но ни опровержения Гурго, ни «объяснения» Партуно при последующих изданиях «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 году» во внимание не принимались. Впоследствии историки публиковали сочинение Сегюра, в отдельных случаях дополняя его выдержками из Гурго,⁴² но это было не столь уж часто⁴³. Издательский успех сочинения Сегюра сделал свое дело.

С тех пор книгой графа де Сегюра о Наполеоне и Великой армии в 1812 г. пользовались практически все французские и российские историки, которые писали об отдельных эпизодах, либо о войне 1812 г. в целом.

Пользовался ею и Лев Толстой, например, описывая в романе «Война и мир» то, как гибнут французские кавалеристы, переправляясь через Неман, или, почти буквально заимствуя у мемуариста описание того момента, когда уже после Бородинского сражения французская армия вплотную подошла к Москве и с Поклонной горы, наконец, увидела Москву. Характерно, что в одном из изданий отрывки из Толстого и Сегюра были опубликованы под одним переплетом.⁴⁴ Известный литературовед Константин Васильевич Покровский отметил в одной из своих статей еще несколько случаев использования романистом описаний из сочинения Сегюра⁴⁵. По словам Покровского, пользовался Толстой и сочинением генерала Гурго, но конкретные случаи им указаны не были.

Переводам на русский язык книги Сегюра изрядно не повезло. Как правило, переводились только отдельные фрагменты его сочинения, да и то с купюрами.⁴⁶ Сами переводы часто грешат буквализмами, неточностями и ошибками даже против французского языка, вызванными, как правило, незнанием переводчиками содержательной стороны дела и неудовлетворительной редактурой текстов. Одно из последних подобного рода изданий вообще начинается не с предыстории войны и описания открытия военных действий, а с вступления французов в Москву.⁴⁷ В год

⁴¹ Explications de M. le lieutenant général Comte de Partouneaux sur le chapitre VII du IX livre de l'Histoire de Napoléon et de la Grande Armée par M. Le Comte de Ségur et sur la Réfutation du M. le général Gourgaud. Paris. Baudouin frères. 1826.

⁴² Segur Ph.P. de. La Campagne de Russie... Préface et notes par Jean Burnat. édition augmentée d'extraits de la «Réfutation» du Général Gourgaud. Paris: Hachette, 1960. Т. 1-2;

⁴³ См. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки. Систематический указатель. Вып. IV. Отечественная война 1812 г. Участие России в кампаниях 1813-1814 гг. СПб. 1993. С. 86-92.

⁴⁴ Сегюр Ф.-П. де. Народная война. Из романа Л.Н.Толстого «Война и мир» и из воспоминаний графа де Сегюра. Под ред. Д.И.Тихомирова. М. редакция журнала «Юная Россия». 1912.

⁴⁵ Покровский К.В. Источники романа «Война и мир» // Война и мир. Сб. под ред. В.П.Обнинского и Т.И.Полнера. М. 1912. С. 117.

⁴⁶ Сегюр Ф.-П. Сражение при Бородине. La Bataille de la Moskova. Par le général comte de Ségur. С введением, историческими и грамматическими примечаниями, алфавитным указателем, картою и словарем. Сост. А.Алексеев. СПб. А.А.Алексеев. 1894; Бородинское сражение (La Bataille de la Moskova). Пер. с фр. Л.Д. Киев-Харьков. Ф.А.Иогансон. [1897]; Переправа через Березину. Пер. с фр. З.Ф. СПб. Ф.А.Иогансон. 1905; Пожар Москвы 1812 г. Мемуары графа де Сегюра. М. «Образование». [1912]; Бородинское сражение и занятие Москвы французами. Мемуары графа де Сегюра. М. «Образование». [1912]; Бегство французов из России. Мемуары графа де Сегюра. М. «Образование». [1912]; Гибель французской армии в России. 1812 г. Мемуары графа де Сегюра. М. «Образование». [1912];

⁴⁷ Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. 1-е рус. изд. Пер. с посл. французского издания Брониславы Рунт. Предисл. Г.Балицкого. М. «Образование». 1911.

столетнего юбилея войны 1812 г. фрагменты сочинения графа де Сегюра в посредственных переводах были опубликованы в издании «Французы в России».⁴⁸ Полностью и без изъятий книга Сегюра так и не была переведена.

Отдельным русским изданиям в ряде случаев предпосылается предисловие Эжена Мельхиора маркиза де Вогюэ (1848-1910), дипломата, который прожил в России в течение пяти лет (1877-1882) в качестве секретаря французского посольства в Петербурге, и литератора-литературоведа, много писавшего о современной ему российской романистике, а также сотрудника крупнейшего французского журнала *Revue des deux Mondes* и газеты *Journal des débats*, который в 1888 г. стал членом Французской академии.⁴⁹ Предисловие маркиза написано скорее художественно, нежели строго исторически, под впечатлением от знакомства с очередным изданием сочинения Сегюра, но не лишено интереса.

«Если бы все исторические труды о Наполеоне и его времени нужно было уничтожить, оставив только один, то я, без колебаний, указал бы на капитальный труд Сегюра как на самый поучительный и лучше всего передающий чувства и настроения той эпохи как и личность самого Наполеона». Конечно, это изрядное преувеличение, ибо в мемуарном наследии Консульства и Империи и историографии этой насыщенной событиями эпохи европейской истории есть немало выдающихся произведений, которые до сих пор не потеряли своей высокого научного и литературного значения, благодаря богатейшему фактическому материалу, достоинствам изложения и глубине документального анализа. Это и упоминавшийся *Mémoires de Sainte-Hélène*, который давно пора издать по-русски, и сочинения тех, кто был с Наполеоном на острове Св.Елены, включая и книгу противника Сегюра, дравшегося с ним на дуэли, и сочинения Агатона де Фэна, ряда государственных деятелей и маршалов, дипломатов, среди них и записки Армана де Коленкура, и многие другие, а из исторических трудов – многотомные сочинения Адольфа Тьера, Фредерика Масона, Луи Мадлена и ряда других.

Тот же маркиз де Вогюэ вспоминал, как Альбер Сорель, автор восьмитомного сочинения «Европа и Французская революция», отдельные тома которого посвящены истории Империи, не раз говорил, что повествование Сегюра осветило ему наполеоновскую эпоху лучше, чем результаты многих архивных разысканий, а его ученик, Альбер Вандаль, столь же, если не более, выдающийся знаток эпохи начала XIX века, относился с пониманием к этому суждению своего учителя, ибо, по общему мнению многих заинтересованных читателей, эта книга заставляет чувствовать и понимать интуитивно то, что в ученых трудах постигается через сравнительный анализ фактов.

В мемуаристике и историографии книга Сегюра занимает свое место как одна из первых, в чем, безусловно, ее главное достоинство, но при этом ни в коем случае нельзя забывать, что книга была написана в эпоху Реставрации королевской власти, и, это не могло не отразиться на ее содержании, ибо автор, возможно, вольно или невольно, привнес в общее изложение отдельные критические оценки, которые были восприняты благожелательно и помогли книге увидеть свет. Вместе с тем, эта книга заставила вспыхнуть тлевшие, но не угасавшие под пеплом одержанных побед чувства «старых ворчунов» и, если она вызвала отдельные критические отзывы со стороны ветеранов Великой армии, то, можно быть уверенными, они соседствовали с

⁴⁸ Французы в России. 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. Пер. с фр. Н.П.Губского, Е.Н.Дживелеговой, П.Е.Мельгуновой, В.И.Васютинской и др. Сост. А.М.Васютинский, А.К.Дживелегов, С.П.Мельгунов. Ч. I. М. 1912. С. 81-83; ч. II. С. 151-152. ч. III. С. 52-66.

⁴⁹ Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. С предисл. М. де Вогюэ. Пер. с фр. Э.Пименовой и Н.Васина. М.: «Польза» В.Антик и К. [1913]

хвалебными отзывами военных, благодарных за то, что о них вспомнили. Возможно, в большей степени, чем другие книга Сегюра подстрекнула многих, к примеру, того же Монтескье де Фезенсака, к написанию собственных воспоминаний.

Каталоги книжных магазинов и экслибрисы просмотренных в библиотеках экземпляров книги Филиппа-Поля Сегюра, приводят к выводу о том, что книга как по-французски, так и в сокращенных переводах имела в России немалое распространение. Отметим, что одно из первых изданий книги значится в библиотеке Пушкина (№ 1830).⁵⁰ Там же находим и другое сочинение де Сегюра, а именно его историю России, на титульном листе которого значится, что читатель имеет дело с книгой автора «Истории Наполеона и Великой армии в 1812 г.».⁵¹

Первая книга из библиотеки поэта принадлежит к тем редким изданиям, которые объединяли под одним переплетом сочинения Сегюра и Гурго. Собственно говоря, так, вероятно, и следует читать «Историю Наполеона и Великой армии в 1812 году», т.е., заглядывая и в ее «Опровержение», соглашаясь или не соглашаясь с Сегюром или с его оппонентом.

Первый полным перевод сочинения графа де Сегюра на русский язык был опубликован в петербургском издательстве «Петрополис» как первая книга в серии «1812 год: Французы в России». Перевод выполнен покойным петербургским переводчиком Д.В.Соловьевым, с которым автор предисловия, С.Н.Ислюль, сотрудничал давно.⁵² Книга вышла в самом конце 2014 г., но фактически – в начале 2015.

Оригинальные издания по-французски и переводы на русский язык, как правило, не сопровождались историческим комментарием, что едва ли не приносило известные трудности при знакомстве с сочинением Сегюра. К публикуемому тексту перевода прилагается комментарий, выполненный специально для данной публикации; в комментарии впервые на русском языке широко используются критические замечания из книги генерала Г. де Гурго.

Издание открывается вступительным словом заместителя директора Государственного Эрмитажа доктора исторических наук профессора Георгия Вадимовича Вилинбахова.

При комментировании текста Сегюра использованы не только издания, хранящиеся в отечественных Российской национальной библиотеке, Библиотеке Академии наук и библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН, но во французской Национальной библиотеке им. Ф.Миттерана, Исторической библиотеке Парижа, а также и в собрании Наполеоновского фонда (Париж).

Предисловие и комментарии писались автором частью во время командировок во Францию, и автор почитает приятной обязанностью выразить признательность Дому наук о человеке (Maison des sciences de l'homme), профессору Владимиру Береловичу (Berelowitch) и госпоже Соне Кольпар (Colpart) за не раз предоставленную возможность заниматься во французских архивах и библиотеках.

С.Н.Ислюль.

⁵⁰ Ségur Ph.-P. Histoire de Napoléon et de la grande-armée pendant l'année 1812. Par M. le Général Comte de Ségur. Et Examen critique par le Général Gourgaud, ancien Officier d'ordonnance et aide de-camp de l'empereur Napoléon. Bruxelles. H.Tarlier. M.DCCC.XXV.

⁵¹ Ségur, Philippe-Paul, comte. Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand. Par M. le général comte de Ségur, auteur de l'Histoire de Napoléon et de la Grande Armée, pendant l'année 1812. Bruxelles. H.Tarlier. 1829.

⁵² Сегюр Ф. де. Наполеон и Великая армия во время войны 1812 года. Пер. с фр. Д.Соловьева под ред. С.Ислюля. СПб: «Петрополис». 2014. – 482 С.

О недавно вышедших Книг на русском языке .

Livres récents en russe

Этот список касается книг недавно вышедших в России и особенно полезных историку, что касается историко-генеалогических исследований, готовится особый список.

Козлов В.П. Тайны документальных фальсификаций или Обманутая, но торжествующая Клио: Анализ подделок ист. документ. ист. источников по рос. истории в XVIII – начале XXI века. М.: Новый хронограф (Чехов: Чех. печ. двор), 2015. В пер. 680 с.: ил. 500 экз. ISBN/ISSN 978-5-94881-258-8
Исследование фальсификаций XVIII – начала XXI в. документальных источников по российской истории. Автор раскрывает политические, идеологические и другие мотивы создания подделок, показывает их бытование в общественном сознании, технику изготовления, методы разоблачения фальсификаций, представляет запоминающиеся портреты известных фальсификаторов (А.И. Бардин, А.И. Сулакадзев, И.П. Сахаров, А.А. Раменский и др.). Из содерж.: "Обет юного венценосца"; "Любимый проект Петра Великого", или Разоблаченные предсказания прошлого; Судебные прения по делу царя Бориса; "Баянка"

Писарькова Л.Ф. Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923 гг.: Аннотир. указатель содерж. изд. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новый хронограф (Чебоксары: Чебокс. тип. №1), 2015. В пер. 942 с. 1000 экз. ISBN/ISSN 978-5-94881-274-8
Деятельность губернских учёных архивных комиссий (созданных по инициативе историка и архивиста академика Н.В. Калачова и просуществовавших с 1884 по 1918 г.) была направлена на изучение, охрану и популяризацию культурно-исторического наследия. Комиссии публиковали обзоры архивов губернских и уездных учреждений, документы XV – начала XX в., отчёты об археологических раскопках, очерки о городах и сёлах, произведения устного народного творчества, этнографический материал, сведения о деятелях науки, культуры и т.п. Настоящий справочник содержит свыше 7 тысяч аннотаций, предваряемых историческим очерком, посвящённом губернским учёным архивным комиссиям.

Дашков С.Б. Византия и ее императоры. В 2-х т. М.: Крас. площадь (Словакия: Б. тип.), 2015. Т. 1. В пер. 448 с.: ил.; Т. 2. В пер. 448 с.: ил. 1000 экз. ISBN/ISSN 978-5-901904-07-7

Ц. за комплект из 2-х т. Формат А4. На мел бумаге. Цв. ил. Подарочное научно-популярное издание, освещающее историю Византии сквозь призму судеб её правителей. Среди прочих изданий по византийской культуре двухтомник выделяется невероятным качеством и подбором иллюстраций, превзойти которые в ближайшие

лет сто вряд ли кому удастся. Ради редкого кадра автор совершенно не щадил времени и сил. Он прошерстил все основные мировые музеи и посетил несметное число самых удалённых уголков империи: от Турции до Балкан и Южной Италии. В книге имеются изображения почти всех императоров, которые сохранились до наших дней на монетах, мозаиках, книжных миниатюрах, а также на декоре памятников архитектуры, иконах, фресках и предметах быта. Текст Дашкова сохраняет строгую научность, но в то же время не перегружен деталями, как это бывает в специальных статьях. Во введении содержатся наиболее важные сведения о Византийской империи и её столице Константинополе. В основной части среди прочего имеются многочисленные географические карты-схемы и терминологический глоссарий.

Романов Д.А. Славянские языки и культуры: (Общее славяноведение): Учеб. / Тул. гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого. Центр рус. яз. и регион. лингв. исслед. Тула: (Тип. изд-ва), 2014. 264 с.: ил. + 5 л. цв. ил. на наклейках. 100 экз. ISBN/ISSN 978-5-87954-868-6

Качественное изложение современных представлений о славянских этносах, культуре и языках. Автором рассматривается история и современное состояние славянских наций и языков, славянская графическая система в её становлении и развитии, мифология, религия, предания, первые письменные памятники славян. Отдельная глава содержит иллюстрированные краткие сведения об учёных-славистах. Из содерж.: Славянский мир Европы в начале XXI века; Расселение древних славянских племен по Европе; Ранняя праславянская мифология; Описание славянского языческого пантеона богов; Христианские святыни славян; Славянские языки и диалекты; Деятельность славянских первоучителей; Буквенный состав славянских азбук: Оформление древнего текста; Народная основа азбуки Кирилла и Мефодия; Важнейшие славянские памятники письменности; Вопрос о "протокириллице", "протоглаголице" и докирилловской письменности у славян и др.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. / Отв. ред. И.Н. Данилевский; РАН. Ин-т всеобщ. истории. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Квадрига (Чехов: Чех. печ. Двор), 2014. В пер. 272 с. + 4 л. цв. ил. на наклейке. 1000 экз. (Ист. исслед.). ISBN/ISSN 978-5-904162-09-2

Для того, чтобы увидеть историю глазами участника событий, автор по материалам памятников древнерусской литературы произвел реконструкцию представлений современников о монголо-татарах. "В рассказах о "татарах", — говорится в предисловии к монографии, — древнерусские писатели затрагивали важнейшие для своего времени темы — обретения святости путем праведного поведения, служения Русской земле и собственному созерцанию, поиска правды, победы веры над безверием, торжества православия над "поганством", измены интересам христианства и неминуемой расплаты за предательство, спасения в ситуации грядущего Страшного суда и т.д.

Кибинь А.С. От Ятвыязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. М.: Квадрига (Чехов: Чех. печ. двор), 2014. В пер. 272 с. 400 экз. (Исторические исследования). ISBN/ISSN 978-5-91791-131-1

В центре интереса автора — формирование небольших этнических групп со времён,

когда "литва из болот на свет не выныривала" до становления Литовского государства. Исследованы также процессы на балто-славянском пограничье в бассейне Немана, в том числе проявления коллективной солидарности, сознательной поддержки культурных барьеров и "особой риторики", с помощью которой политическая власть устанавливала своё влияние на фронтах. Из содерж.: Миссия св. Бруно Кверфуртского и походы Ярослава; Городенское княжество и восточные города Понеманья; Ятвяги на Неманском речном пути, *Coz wy chcescie, bo to z Czarna Rus!* [= Что вы хотите, ведь это Чёрная Русь! (польско-литовское ругательство)] и др.

Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М.: Квадрига (Чехов: Чех. печ. двор), 2015. В пер. 447 с.: ил. + 8 л. цв. ил. на вклейке. 600 экз. (Забутые войны России). ISBN/ISSN 978-5-91791-173-1

Подробное описание кризиса экономических и политических отношений между Россией и Ливонией последней четверти XV века. Книга написана на основе многочисленных (главным образом немецких и немецко-ливонских) источников, большая часть которых опубликована в сводах Index, Index2, LEKUB, LEKUB2, AR, HR, HUB и др. Автор занимает железобетонно германофильские позиции, что свидетельствует, по-видимому, о многолетнем недофинансировании отечественной исторической науки. Из содерж.: "Старая Ливония" и ее соседи; Магистр Вольтер фон Плеттенберг; Москва и Ливония в большой европейской политике рубежа 1480–1490-х гг.; Русско-ганзейская торговля 1490-х гг. и посольство ливонских городов к Ивану III; Торговля с Ливонией и Ганзой после закрытия [немецкого] подворья (1494–1500); Судьба пленных ганзейских купцов; Ливония между Швецией и Москвой; Переговоры в Нарве; Дипломатия Плеттенберга в 1499–1501 гг. и др.

Янушкевич А.Н. Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское.

Минск: Медисонт (Тип. изд-ва), 2013. 362 с. 300 экз. ISBN/ISSN 978-985-7085-04-0
Автор, используя отечественные и польские архивные источники, попытался взглянуть на события с "литовской" точки зрения, рассмотрев тот период войны, когда ВКЛ противостояло Москве как суверенное государство. В книге проанализированы организация вооруженных сил, оборонительных мероприятий, мобилизация и распределение финансов. Исследование основано на материалах государственного архива Великого княжества Литовского, посольских книгах, переписях земского ополчения, польско-литовских хрониках, летописных памятниках, мемуарных и эпистолярных источниках и пр. Из содерж.: Начало широкомасштабной войны: Полоцкая кампания 1563 г.; Неожиданная победа: Ульская битва 1564 г.; Кризис ресурсов: посполитое руженье ВКЛ во время Ливонской войны; **На фоне войны: победа "шляхетской демократии" и заключение унии с Польшей** и др.

Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М.:

Квадрига (Чехов: Чех. печ. двор), 2015. В пер. 189 с.: ил. 600 экз. (Исторические исследования). ISBN/ISSN 978-5-91791-172-4

В книге опубликована диссертация под названием "Сильвестр: политическая и культурная деятельность (источники и историография)", подготовленная к защите в 1981 году. Автор рассматривает жизнь и труды известного публициста и ближайшего советника Ивана IV Сильвестра (в иноках Спиридона, умершего около 1566 г.), одного

из руководителей т.н. "Избранной рады". Деятельность "попа Сильвестра" была поистине многогранной: он участвовал в работе Стоглавого собора, руководил восстановительными работами в кремлёвских палатах после пожара 1547 г., написал помещённое в Степенной книге "Житие княгини Ольги", был причастен к созданию "Домостроя". Работа И.В. Курукина охватывает все известные на момент защиты диссертации источники: летописные известия, послания Сильвестра и Филофея, корреспонденцию Грозного и Курбского, дипломатическую переписку ливонских послов, материалы монастырских архивов и т.д. В приложении перепечатаны три статьи автора: К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра; Новые данные о книгах библиотеки наставника Ивана Грозного и автора "Домостроя" Сильвестра; Источники для реконструкции библиотеки наставника Ивана Грозного Сильвестра.

Васильев А.В. Знамя и меч от падишаха: Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.) / Отв. ред. М.С. Мейер; Центр изучения Центр. Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Ин-та востоковедения РАН. М.: Ин-т востоковедения РАН (Пробел-2000), 2014. В пер. 355 с. + 6 л. цв. ил. на наклейке. 500 экз. ISBN/ISSN 978-5-98604-478-1

Монография освещает историю взаимодействия Османской империи с правителями Бухары, Коканда, Хивы и Кашгара на протяжении XVI – начала XX в. Исследование основано на материалах турецких и российских архивов и рукописей среднеазиатских и османских историков. Из содерж.: Отношения Османской империи и государств Центральной Азии в начале XIX в.; Стамбул и Бухара; Хадж, торговые связи и центрально-азиатская диаспора в Османской империи и др.

От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / Отв. ред. И.С. Рыбачёнок; Ин-т рос. истории РАН. М.; Спб.: (Т8 изд. технологии), 2015. В пер. 440 с.: ил. 500 экз. (Historia Russica). ISBN/ISSN 978-5-8055-0262-1

"Опыт свидетельствует о настойчивых усилиях западноевропейских государств воспрепятствовать России в её законном стремлении занять достойное место в сообществе держав... Почти всегда, несмотря на отдельные разногласия, они объединялись, чтобы сообща противодействовать осуществлению жизненно важных политических интересов России" (С. 427) – делают вывод авторы монографии, освещающей изменение места и роли России в системах отношений между государствами на протяжении второй половины XVI – начала XX в. Работа основана на широком круге отечественной и зарубежной литературы, архивных материалах. Из содерж.: Россия в Вестфальской системе: 1648–1686 гг.; Россия и формирование Утрехтско-Ништадской системы в первой четверти XVIII в.; Венская система международных отношений 1815–1854 гг. и ее крушение; Россия в Крымской системе 1856–1877 гг.; Россия в Берлинской системе 1878–1914 гг. и др.

Кн. Д.М. Шаховской

Nouveaux livres

Новые книги

Pour ceux de nos membres qui n'ont pu assister à la conférence du **Prince Dominic Lieven**, Nous recommandons la lecture de son livre passionnant

**La fin de l'empire des tsars, Vers la Première Guerre mondiale et la révolution
(Traduit de l'anglais par A Kozovoi)
Edition des Syrtes**

La fin de l'empire des tsars est une histoire du glissement de la Russie dans la Première Guerre mondiale, une histoire fascinante, dramatique et essentielle qui se devait d'être replacée dans un contexte plus ample et sur la base d'une documentation plus riche que cela n'avait été le cas jusqu'ici. Ce livre est une interprétation originale de la Première Guerre mondiale dans sa globalité, notamment par son approche de la guerre au travers du prisme russe. C'est aussi une introduction aux origines et aux conséquences de la révolution russe à partir d'un point d'observation inédit - les relations internationales -, à même d'encourager de nouvelles explorations de l'histoire russe du XXe siècle.

Pour Dominic Lieven, la Première Guerre mondiale fut la cause ultime de la plupart des catastrophes qui frappèrent la Russie par la suite. Comprendre l'origine russe de la guerre apparaît de ce fait essentiel. Cette dernière enfanta la révolution, la guerre civile, deux famines, la collectivisation, sans oublier la dictature et la terreur léniniste et stalinienne. En privant la Russie de la possibilité de contribuer au nouvel ordre mondial issu du traité de Versailles, la révolution de 1917 déstabilisa les relations internationales pendant l'entre-deux-guerres, provoquant in fine la descente aux enfers de l'Europe en 1939.

Cet ouvrage de référence est une étude originale et inédite sur les origines de la Première Guerre mondiale vues du côté russe. C'est un modèle en matière d'études historiques par la richesse du matériau et la rigueur de la démonstration. Il se base sur des sources primaires, jusque-là inexploitées, britanniques, françaises, allemandes et russes. Mais il est aussi traversé par un souffle narratif qui montre que les exigences scientifiques du chercheur s'accroissent d'une belle plume.

L'appareil de notes essentiellement bibliographiques de la fin de l'ouvrage souligne l'importance accordée par l'auteur aux diverses sources historiques.

Un nouveau livre paru en mai 2015 sur le thème de la "Russophobie"

**Russie-Occident, Une guerre de mille ans,
La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne
Par Guy Mettan, Editions des Syrtes**

Dans cet essai, Guy Mettan part du constat que le regard de l'Occident sur la Russie est déformé par la peur, l'ignorance et les préjugés. La crise ukrainienne vient encore d'en apporter la preuve. Pourtant, par trois fois, en 1812, en 1914 et en 1945, la Russie a sauvé l'Europe des griffes de ceux qui voulaient l'asservir. En 1991, fait unique dans l'histoire, elle a même sabordé son empire et abandonné ses territoires sans verser une goutte de sang. À chaque fois, ce sacrifice a été payé en retour par des torrents de russophobie. Pourquoi tant de haine envers un pays pourtant si proche par la géographie et la culture ? Remontant aux sources de cette détestation, l'auteur en retrace la genèse religieuse, idéologique et géopolitique, de Charlemagne jusqu'aux rivalités pour le contrôle de l'Eurasie et de ses ressources. Il montre que ces tensions ne sont pas près de s'éteindre parce que les Européens et les Américains ont besoin de cette confrontation pour assurer leur cohésion et leur domination sur le reste du monde.

Comment expliquer ce désamour permanent ?

Hypothèse de Guy Mettan: la Russie est le miroir inversé de l'Occident. Elle n'est ni son antithèse (Orient) ni sa descendance contestataire (les pays émergents), mais son double inversé. Par rapport à l'Occident, elle est toujours en décalage, elle est toujours «trop» :

- trop réactionnaire (tsarisme), par rapport aux monarchies et aux républiques progressistes du XIXe siècle.
- trop progressiste (communisme) par rapport aux réformistes socio-démocrates.
- trop conservatrice (poutinisme) par rapport aux mœurs libérales.
- trop nationaliste et souverainiste par rapport au mondialisme.
- trop orthodoxe par rapport au catholicisme et au protestantisme.
- trop autoritaire par rapport au relativisme occidental.
- trop grande et trop continentale pour un seul pays (et donc toujours menaçante et suspecte pour les puissances maritimes anglo-saxonnes).
- trop communautaire/collectiviste par rapport au culte de l'individualisme.
- trop spirituelle et romantique par rapport au consumérisme occidental.

Résultat : l'Occident ne peut comprendre cet excès de « trop », qui lui renvoie une image inversée de ses propres peurs, de ses ambitions, de ses succès et de ses échecs.

Guy Mettan est journaliste et homme politique suisse. Ancien directeur de La Tribune de Genève, il est député au Grand Conseil du canton de Genève et président du Club Suisse de la Presse dont il est un membre fondateur.

Ukraine. La vérité historique.

C'est sous ce titre que les éditions des Syrtes publient l'ouvrage, devenu introuvable, du prince Alexandre Mikhaïlovitch Wolkonsky. Chevalier-Garde, colonel, officier de l'état-major, agent militaire, diplomate, le prince Alexandre Mikhaïlovitch Wolkonsky est une grande figure des dernières heures de l'Empire de Russie. C'est aussi un historien versé dans l'histoire des origines de la Russie comme le prouve sa brillante contribution à l'histoire de sa famille, un volume de 980.p.! / Княгиня Е.Г. Волконская. Родъ князей Волконскихъ. С.Петербургъ, типогр. М.М. Стасюлевича, 1900./ Il a vécu les heures tragiques de la guerre de 1914, le temps des révolutions, la honte du traité de Brest-Litovsk, le démantèlement de la Russie et les balbutiements d'un nouvel Etat, l'Ukraine. Autant de bouleversements qu'il ressent avec d'autant plus d'acuité qu'il s'agit en fait des terres où sa famille a régné pendant cinq siècles. Voici son constat :

« ... tous les membres de ma Patrie souffrante me sont également chers; je ne sais pas pourtant si dans son passé le temps de St. Vladimir et de Iaroslav le Sage, mes ancêtres, n'est pas plus près de mon cœur, que la lourde grandeur de Moscou. /255/ » Dès 1918 des écrivains apportent leur contribution. Voici quelques ouvrages cités par le prince : 1. COUNT ALEXANDER KOUTAÏSOFF, «**Ukraina**». Copenhagen, Jensen & Ronager, 1918. 2. MAURICE MAILLARD, « **Le Mensonge de l'Ukraine Séparatiste** ». Paris, Berger-Levrault, 5 rue des Beaux-Arts, 1919. 3. G. L. B., «**Souvenirs d'Ukraine, 1917-1918**». Vevey, Klansfelder, 1919.

A son tour, il apporte sa réponse à la question de l'identité de ces territoires en quatre langues : a) *italienne I fatti della storia Russa e la propaganda ucrainofila. Roma: Direzione della nuova Antologia, 1919* ; b) *anglaise . The Ukraine Question. The Historic Truth versus the Separatist Propaganda», Rome, 1920.* c) *française La vérité historique et la propagande ukrainophile. Rome: E. Armani, 1920*; d) *russe, Историческая правда и украинофильская пропаганда. Туринъ: В. Бона, 1920.*

Il poursuivra ses efforts au cours des années suivantes : A chi appartengono le steppe del Mar Nero. Roma: Direzione della nuova Antologia, 1919. Имя Руси в домонгольскую пору. Прага: Единство, 1929 ; В чём главная опасность? Прага, 1929 ; Малоросс и украинец. Ужгород, 1929. ; *Андрей Царинный. Украинское движение: краткій историческій очеркъ: преимущественно по личнымъ воспоминаніямъ / Съ введеніемъ князя А. М. Волконскаго.. — книга. — Берлинъ: Типографія Зинабургъ, 1925. — 229 с. /Cf. Wikipedia/*

Le bilan est simple :

« Le démembrement de la Russie fut un des buts du monde germanique dans la grande guerre. Les puissances de l'Entente suivent dans cette question la voie tracée par l'Allemagne: il ne leur reste plus que de reconnaître l'indépendance de tout le sud de la

Russie (arbitrairement appelé par l'Allemagne — Ukraine), et le rêve germanique sera réalisé. /61/ »

Et nous assistons à l'apparition d' un nouvel ordre mondial :

« Actuellement le principe national s'applique non par démembrement des parties constituantes des grandes nations, mais par l'acquisition — par chacune de ces nations — de leur complète unité. Les nouveaux Etats slaves unifient des peuples de même race, mais d'idiomes, et même de langues différentes; l'Allemagne vaincue est elle-même en bon chemin d'atteindre son unité nationale; l'Italie voit s'accomplir brillamment son unité; il serait pour le moins illogique que l'idée nationale se traduise pour le peuple russe par le détachement de son *Mezzogiorno*. /65/ »

Une analyse à la fois historique et terminologique s'avère indispensable et conduit l'auteur à donner des précisions pour une vue d'ensemble :

« *Rouss* et Russes — voilà les seuls noms génériques qui impliquaient le sens des peuples et des terres de la Russie antique. Le mot *Rouss* a deux sens: - - le premier est ethnique, l'autre, territorial. Selon le chroniqueur de Kiev, c'est du nom de *Rouss* que s'appelait la tribu varangienne (variague, Scandinave) d'où étaient issus Rurik et les siens, appelés en Russie par les Slaves. Soloviev suppose avec beaucoup de logique que cette tribu a joué un rôle important sur la « voie des Variagues aux Grecs » bien avant l'appel des princes .

Comme nom territorial, la dénomination *Rouss* s'employait doublement: dans un sens qui généralisait toutes les terres russes (« métropole de Kiev et de toute la *Rouss* »), et dans un sens plus restreint — pour désigner la principauté de Kiev proprement dite (XIe siècle); peu à peu cette dénomination s'étendit à d'autres terres (à *Tchernigov*, à la Volynie, à Novgorod (1), à Galitch et autres). «Le territoire (*volost*) de Novgorod est le plus ancien dans toute la Terre Russe », nous dit la chronique en date de l'an 1206. Gedymin, grand-duc de Lithuanie (1316-41), a pour titre à Vilna « Grand Prince Lithuanien, Jmoudien et Russe». La Russie du nord-est n'avait point d'autre dénomination collective que *Rouss* et *Rossia* (Du mot *Rossia* il existe un adjectif rare *rossijskij* ; il s'emploie actuellement dans le langage officiel cérémonieux et s'employait en littérature dans le style ampoulé du XVIIIe siècle; on le trouve pour la première fois, si je ne me trompe, dans le document sur l'élection au trône du premier tzar de la maison des Romanov (1613). Dans la Russie moderne, on met dans le mot *Rouss* un sentiment d'amour, de chagrin, de joie; dans le mot *rossijskij* on sent une Idée impérialiste, le mot *Rossia* semble une dénomination calme, d'affaires. /.../); en russe le mot « moscovite» n'existe pas; il est né en occident lorsque la puissance du grand-duc de Moscou eut éclipsé aux yeux de l'étranger le reste de la Russie /85-86/

Résumons ce que nous avons dit, en tant que cela se rapporte à la période ancienne, pré-tartare.

Nous nous sommes presque abstenus de toute opinion personnelle; les citations des documents ont parlé pour nous. La voix de ces témoins impartiaux et vénérables d'antiquité donne à notre question une réponse parfaitement définie, à savoir:

1. Le pays habité par le peuple russe depuis les Carpathes et jusqu'à la Mer Blanche et à Souzdal, depuis Novgorod jusqu'à Kiev - n'était autre chose que la *Russie*;
2. Le peuple qui habitait ce pays s'appelait lui-même « russe » (*rouss*, *rousskié*, *roussine*, en Galicie comme à Novgorod, et appelait sa terre *Rouss*;
3. Les étrangers appelaient la Russie *Russia* et nommaient les Russes — *Russi*, se servant aussi parfois de l'altération *Rutenia* et *Ruteni* (Rutheni). Les étrangers ne faisaient dans l'application de ces noms aucune distinction ni pour le nord, ni pour le midi de la Russie: ils appelaient les Russes de Kiev, comme ceux de Novgorod, également et alternativement, tantôt *Russi*, tantôt *Ruteni*;
4. Enfin il n'y a pas la moindre trace du nom d'*Ukraine* ni dans la période pré-tartare, ni 150 ans au moins après. Le nom *ukrainien* n'est né que quelques siècles plus tard encore.

N'est-il pas clair que la tendance des ukrainophiles à se servir de la différence des noms (Russie et Ruthène) pour affirmer qu'au nord de la Russie il existait un autre peuple qu'au midi, n'a rien de commun avec la vérité historique. L'affirmation de l'existence d'une *Ruthenia* de Kiev, comme d'un Etat distinct de la Russie, ou de l'existence d'une Ukraine dans la période pré-tartare, n'est qu'une peu scrupuleuse *mystification politique*, menée et fondée sur le peu de notions que la société étrangère a de l'histoire et de la langue russes. /89-90/ »

« Kiev était le foyer de la vie d'Etat russe, mais cette vie n'irradiait pas seulement de ce centre. Elle ne fut point créée par l'épée, elle fut un produit de la grande voie fluviale commerciale qui conduisait du Golfe de Finlande à la mer Noire; Kiev se trouvait placé près de l'un de ses bouts, près de l'autre était Novgorod. /92/ »

La suite de l'exposé est historique et s'efforce de retracer les vicissitudes de la Russie au cours des siècles. L'invasion et le joug mongol, le démembrement de la Russie au profit de la Pologne et de la Lituanie qui devient un Etat lituano-russe, la fusion de ce dernier avec la Pologne, puis le rassemblement autour de Moscou et la formation de l'Empire, avec en toile de fond les confrontations avec l'impérialisme polonais, puis l'impérialisme austro-allemand. Le tout est ponctué de nombreuses notes et références, mais l'intérêt ne faiblit jamais.

La bibliographie est immense. Les historiens discutent jusqu'à présent, mais bien des paroles du prince se voient précisées par des études récentes telles que : С. О. Шмидт. «Московское государство»: к объяснению наименования Российского государства в XV1-XV11 столетиях. // Впервые: С. О. Шмидт. Россия Ивана Грозного. М. Наука, 1999. С.255-301; История Москвы и проблемы источниковедения. Т. 1-2. М. Книжница. Русский Путь. 2013. Т.1. С. 103-144. ; Stéphane MUND, *Orbis Russiarum*. Genève et

développement de la représentation du monde « russe » en Occident à la Renaissance. Genève, Droz, 2003, 598 p. (Travaux d'humanisme et Renaissance, 382) ; Шмидт С. О. «В некотором царстве, в некотором государстве...»: Как правильнее называть Российскую державу в XVI веке // Родина № 12/2004 ; Хорошкевич А. Л. Россия или Московия? // Родина. № 11, 2005 ; Ф. Гайда. Происхождение и употребление слова «украинцы». // Родина. №1, 2011. ; Б. М. Клосс. О происхождении названия «Россия». М. Рукописные памятники Древней Руси. 2012. (Studia historica. Series minor).

« J'achève d'écrire ces lignes au moment où, à San Remo, vous partagez la Russie.

Vous comprendre est impossible. Le peuple russe a donné deux millions de vies humaines pour vous garantir les deux années nécessaires aux préparatifs militaires; plus d'une fois il vous a tirés d'embarras; c'est lui qui le premier a ébranlé les forces ennemies et il a posé les bases de votre victoire, et vous, vous nous avez soupçonnés de vouloir vous trahir. Lorsque survinrent de vrais traîtres les Bronstein (*alias* Trotzki) et Cie, qui ont trahi la Russie et vous-mêmes avec, — vous avez accusé de trahison toute la Russie et vous avez commencé à décider de son sort, sans nous consulter, nous, vos alliés. Des Russes survinrent qui, de quatre côtés à la fois, marchèrent contre ceux qui vous avaient trahis et qui sont prêts à vous contaminer de leur venin bolchéviste; mais ces Russes, qui vous restaient chevaleresquement dévoués à travers toutes les épreuves et toutes les tentatives, vous les avez abandonnés à leur propre sort, et cela au moment même où le succès était déjà si proche. Vous n'avez pas su vous décider à entreprendre une croisade universelle contre le danger universel aussi de la barbarie bolchéviste, et vous avez imperturbablement regardé périr ceux qui auraient pu servir d'avant-garde aux croisés; maintenant lutez vous-mêmes! Vous avez regardé de haut les officiers russes criblés de balles allemandes et martyrs de la révolution, et vous êtes prêts à reconnaître comme pouvoir légal une bande de monstres, qui vous ont trahis à Brest-Litowsk. Vous êtes prêts à accepter cette humiliation pour avoir du pain et du blé, mais en fait, vous ne recevrez pas un wagon de blé, car la Russie bolchéviste est impuissante à vous vendre autre chose que des bijoux volés; et si jamais vous en recevez - ce sera du pain enlevé de force à des affamés.

Impossible de vous comprendre. Vous craignez la renaissance de l'Allemagne et vous nous poussez dans ses bras.

Vous partagez la Russie et vous divisez le peuple russe. Est-ce que ces dernières années n'ont pas montré combien les nations, même les petites, sont vivaces, comme elles renaissent après des siècles d'esclavage? Et nous sommes cent millions; nous avons déjà, des siècles durant, été divisés, mais nous nous sommes pourtant réunis; la Galicie, arrachée depuis 500 ans, continue à se sentir russe. Séparez-nous de nouveau, nous nous réunirons encore. Vous avez décidé que le peuple russe est mort et vous vous hâtez de partager son héritage. Mais il n'est pas mort. La grave maladie passera, le peuple reprendra ses forces, se redressera de toute sa taille énorme et vous demandera, terrible : « Qu'avez-vous fait de ma Patrie, tandis que dans ma démence je me flagellais moi-

même, que je me débattais entre les griffes du monstre, que mon sang coulait et que la faim me torturait? ».

Soit! partagez la Russie! Mais souvenez-vous que vos décisions ne sont nullement obligatoires pour nous. Par bonheur, vous ne nous avez pas invités à vos conférences. Redevenus forts un jour, nous serons libres de décider de notre sort selon notre volonté! Souvenez-vous encore que l'exemple est contagieux et que de nos jours on ne peut impunément éveiller ou soutenir des instincts subversifs dans un pays étranger, même éloigné. Vous n'avez pas tué chez nous le bolchévisme lorsqu'il venait à peine de naître; moins de deux ans se sont écoulés et voilà que ses effrayants tentacules s'introduisent dans vos demeures par toutes les fissures. Vous soutenez chez nous les forces centrifuges, — elles s'éveilleront dans vos pays aussi. Qui sait si vous n'aurez pas à déplorer dans les années les plus prochaines d'avoir attenté à l'intégrité de la Russie et même à l'unité du peuple russe! /235-237/ »

En effet, la formation de l'identité nationale russe est un facteur clef pour mieux comprendre les Russes et la Russie à travers l'histoire.

Cette unité russe retrouvée devient la cible d'une politique concertée de l'Europe. Les menées de l'Autriche-Hongrie, de l'Allemagne, puis celles des Etats-Unis d'Amérique et celles des anciens alliés de la Russie pendant la Grande guerre sont brillamment exposées et dénoncées avec vigueur par l'auteur, qui s'appuie là sur son expérience de militaire et de diplomate. Il remet les pendules à l'heure avec une vivacité qui tient constamment le lecteur en haleine.

Mais sa lucidité vis-à-vis des enjeux politiques n'a d'égale que son inquiétude face à la manipulation des esprits . Par ce biais, il nous offre aussi une image émouvante de son identité d'exilé, celle des Russes de la première émigration.

La crise ukrainienne actuelle plonge ses racines dans ce passé complexe, le nier est une folie dangereuse. En ce sens, ce livre apporte une aide précieuse à celui qui veut y comprendre quelque chose. Bien des éléments analysés par le prince Volkonsky gardent une redoutable actualité : la haine de la Russie cultivée par certains, l'étonnement douloureux que cette agressivité suscite chez les Russes, l'hypocrisie intéressée des pays européens. L'entreprise de désinformation se poursuit, favorisée comme jamais en Europe par l'ignorance de générations auxquelles on a enseigné le dédain de l'histoire et de la géographie.

Cette monographie est publiée par le comte Serge de Pahlen aux éditions des Syrtes. Qu'il en soit vivement remercié pour sa perspicacité et son courage ! Il fait paraître un deuxième livre tout aussi important, une extraordinaire approche de la russophobie dans son ensemble : *Guy Mettan. Russie-Occident: une Guerre de Mille Ans. La russophobie, de Charlemagne à la crise ukrainienne. Editions des Syrtes. Mars 2015.*

Prince Dimitri Schakhovskoy

Генеалогическая хроника

Рождение

Княжна Анна Ивановна Шаховская Москва 18.5.2015 дочь князя Ивана Дмитриевича Шаховского и княгини Анастасии Захарьевны рожд. княжна Чавчавадзе.

Кончины

Князь Николай Романович Романов Volgheri Тоскана 15.9.2014

Мария Васильевна Лопухина рожденная княжна Оболенская 3.11.2014

Николай Михайлович Осоргин Париж 5.11.2014

Дмитрий Аркадьевич Столыпин Париж 10.11.2014

Елизавета Сергеевна Guyot рожденная княжна Оболенская Cormeilles-en-Parisis 10.12.2014

Князь Александр Николаевич Мещерский Versailles 26.12.2014